

Глава 2

— Брат! — юноша широко улыбнулся, его слепые белые глаза прищурились, делая лицо совершенно безобидным.

Су Цзюгуй слегка нахмурился. Юноша отодвинул стоявшую рядом куклу и ловко выбрался из груды тел.

На нем был праздничный алый халат — точная копия одеяния самого Су Цзюгуя. Очевидно, их шили в одной мастерской. Если это и впрямь был обряд посмертного венчания, то мальчишку, скорее всего, собирались похоронить в одной могиле вместе с ним.

Кожа незнакомца была белее снега, губы отливали пунцовой краснотой, а глаза казались абсолютно белыми. Черты его лица были настолько тонкими и безупречными, что он походил не на живого человека, а на искусно сработанную куклу.

С ходу нельзя было признать в нем какого-то конкретного духа или демона. На вид ему можно было дать лет восемнадцать-девятнадцать, от силы двадцать.

Юноша замер перед Су Цзюгуем. Он словно светился изнутри, разгоняя душный полумрак мастерской Цицяо мягким сиянием.

Он повторил:

— Брат!

В его голосе звенела такая неприкрытая радость, словно встреча с Су Цзюгуем была для него величайшим благословением небес.

Лицо Су Цзюгуя оставалось холодным. Никакого брата у него никогда не водилось — вероятно, этот юнец знал прежнего владельца тела.

— Кто ты?

Юноша уставился на него чистыми, доверчивыми глазами. Решив, что тон собеседника излишне суров, он тихо пролепетал:

— Сяобай.

Су Цзюгуй едва заметно вздрогнул. Если бы он не знал наверняка, что тот человек ненавидит его до глубины души, он бы на миг поверил, что пред ним стоит именно он.

Вот только... Тот горделивый, ленивый и капризный дракон ни за что не опустился бы до появления в столь грязном и мерзком месте.

Да и черты лица при ближайшем рассмотрении не слишком походили. Будь он жив сейчас, давно бы вырос, а не разгуливал по свету в облике безусого юнца.

— Я не спрашивал твое имя, — отрезал Су Цзюгуй. — Кто ты такой?

— Сяобай — это не кто-то, — со всей серьезностью ответил юноша. — Сяобай — это просто Сяобай.

Су Цзюгуй остался бесстрастен:

— Тогда кто я?

Сяобай озадаченно склонил голову набок, будто решая непосильную задачу, а затем неуверенно произнес:

— Лис?

От этого ответа не было никакого толку — малец даже не знал имени прежнего хозяина плоти.

«Не знает хозяина тела... Значит, пришел именно за мной?»

— Ну как так можно, — обиженно протянул Сяобай. — Разве бывает, чтобы кто-то не знал своего имени?

Судя по его простодушному тону, он действительно не подозревал, с кем говорит.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Су Цзюгуй.

В мастерской Цицяо не должно было оставаться живых душ.

— Сам не знаю, — не задумываясь выдал Сяобай.

Су Цзюгуй долго всматривался в его лицо. Взгляд Сяобая был кристально чист, в нем не чувствовалось лжи.

Он разгуливал по Мастерской Цицяо среди бела дня, но при этом явно не являлся марионеткой. Должно быть, какой-то мелкий демон, которого Ло Цяоцяо еще не успел пустить

в расход.

— Меня зовут Су Цзюгуй, — назвал он свое имя.

Сяобай лишь неопределенно хмыкнул, ничуть не удивившись, и вновь весело воскликнул:

— Брат!

Су Цзюгуй отвернулся. Юноша определенно был со странностями.

Он принялся осматривать убранство комнаты. Возле гроба высился широкий анатомический стол с четырьмя цепями, густо покрытыми бурыми потеками засохшей крови.

В четырех углах залы висели ростовые бронзовые зеркала — простейшее начертание защитного барьера.

Оригинальный строй четырех зеркал для подавления душ предназначался для полного истребления мятежных духов, но чья-то неумелая рука переименовала его. Мощь печати заметно угасла, превратившись в обычную клетку, способную удержать лишь слабых тварей, лишенных крепкого духовного стержня — таких, как прежний хозяин этого тела.

Обычно зеркала расставляют в доме, чтобы запечатать злую волю. Когда заперты все четыре стороны света, это означает лишь одно — хозяин мастерской панически боялся, что его добыча сбежит.

Пока Су Цзюгуй изучал комнату, Сяобай с не меньшим любопытством разглядывал его самого.

Су Цзюгуй только что переродился, и его движения оставались скованными и неловкими. К тому же из-за обратного удара заклятия на бледных губах проступила струйка крови.

Но в его облике не чувствовалось растерянности. Напротив, от него веяло пугающим, монументальным спокойствием.

С того момента, как лис открыл глаза, лицо его осталось прежним, но суть переменилась бесповоротно.

В нем не осталось и следа от привычного лисьего кокетства — теперь его красота была острой, холодной и опасной.

«Это мой Бессмертный почтенный...»

Сяобай стоял напротив, пряча ладони в широкие рукава праздничного халата. Облаченные в одинаковые свадебные наряды, они казались парой, сошедшей со старинного свитка.

Скрип...

Снизу донесся едва различимый шорох — Ло Цяоцяо спустился, чтобы отворить кому-то дверь. Судя по времени, лавочнику как раз пора было вернуться.

Су Цзюгуй переглянулся с юношей. Острый лисий слух уловил эти шаги задолго до того, как они зазвучали отчетливо.

Лишенный прежнего величия, растерявший всю духовную силу, Су Цзюгуй сейчас уступал в могуществе даже ничтожному Ло Цяоцяо.

«Стоит ему лишь попросить, и я помогу»

Жалкий мастер марионеток не представлял для него ни малейшей угрозы. Сяобай слегка приподнял уголки губ, предвкушая, как гордый заклинатель склонит перед ним голову.

— А?.. — не успела его улыбка расцвести, как загривок сдавило мертвой хваткой.

Прежде чем Сяобай успел хоть что-то сообразить, Су Цзюгуй бесцеремонно вздернул его в воздух, словно нашкодившего щенка, и увлек за собой.

— Лавочник Ло! Открывай!

В такую проливную грозу кого-то принесло в мастерскую Цицяо.

Стоило Ло Цяоцяо увидеть гостя, как его лицо исказила угрюмая гримаса. Дурное предчувствие, терзавшее его с самого утра, подтвердилось.

Приоткрыв дверь лишь наполовину, Ло Цяоцяо недовольно буркнул:

— Лао Сы? Что-то ты рано. Мы же договаривались встретиться в середине десятого месяца, разве нет?

— Ничего не поделаешь. Кое-кто пожелал взглянуть на товар заранее.

Лао Сы кутался в мокрое соломенное плато. Вид у него был помятый и недовольный: этот внезапный визит разрушил его планы на сладкий полуденный сон.

Он топтался на пороге под проливным дождем, с его накидки ручьями стекала вода. Смахнув капли с лица, Лао Сы спросил:

— Ну что, лисица в порядке?

Ло Цяоцяо отступил, впуская его внутрь:

— Лучше не бывает. Я потратил на подготовку больше трех лет. Остались сущие пустяки, нужно только навести последний лоск.

Он трудился не покладая рук, вырезая каждую деталь днем и ночью, лишь бы преподнести Владыке Небесной Обители безупречный подарок.

Лао Сы хлопнул его по плечу:

— Если все выгорит, Владыка щедро одарит нас. Глядишь, и мне перепадет доля от славы твоей мастерской Цицяо.

Когда-то мастерская Цицяо славилась своим кукольным театром теней. В те редкие дни, когда двери заведения распахивались для горожан, толпы людей устраивали настоящую давку, лишь бы заполучить заветный билет на представление.

Ее хозяин, Ло Цяоцяо, слыл непревзойденным умельцем. Из-под его пальцев выходили столь искусно сработанные фигурки, что они казались живыми.

Простые обыватели и не подозревали, что за фасадом заурядного балагана скрывается нечто куда более зловещее. Никто в городе не знал, какими заказами на самом деле промышляет Мастерская Цицяо.

Ло Цяоцяо поставлял живые марионетки для утех высшей знати.

Подобный товар не должен быть мертвым в полном смысле этого слова. Обычный труп быстро поддается тлению, начинает смердеть и исходить гнилостными соками уже после пары забав. Бояре и вельможи брезговали подобным.

Настоящее мастерство требовало, чтобы в марионетке теплился последний, угасающий вздох. Только тогда плоть оставалась свежей и податливой, неотличимой от живой.

А что с этим сокровищем станут делать сильные мира сего — запрут ли в спальне как бессловесную игрушку или станут истязать ради потехи, словно бездомного пса — Ло Цяоцяо нимало не заботило.

За мелкие заказы он не брался. Но приближался юбилей Владыки Небесной Обители, и ради такого покровителя стоило пойти на любые хлопоты.

Ростом Ло Цяоцяо уродился едва ли выше пояса взрослого мужчины. На его левой щеке красовалась уродливая крупная бородавка с жестким волоском. Вид он имел жалкий и неказистый, однако во всем Девяти Областях вряд ли нашелся бы мастер, способный превзойти его в кукольном деле.

Будучи демоном девятого ранга, Ло Цяоцяо вечно ходил согбенным, словно не мог разогнуть спину. Он никогда не выказывал гнева и раболепно кланялся каждому встречному человеку.

Не желая присваивать себе все лавры, кукольник заискивающе улыбнулся:

— Моих заслуг тут мало. Если бы не ваша помощь, Лао Сы, где бы я нашел столь редкого лиса?

Тончайшая работа требовала безупречного сырья. Лао Сы слыл опытным ловчим, чьи силки были расставлены по всем окрестным лесам в поисках беззащитных духов и нечисти.

Создание живой куклы — наука деликатная. Идеальным материалом считались духи, едва успевшие обрести человеческий облик.

Демоны со старой душой и глубоким совершенствованием оказывались слишком строптивыми; их воля ломалась с трудом, и они часто гибли под ножом мастера еще до завершения работы.

Требовался кто-то наивный, податливый и слабый, чье сознание еще не окрепло, но чья красота уже распустилась нежным цветком.

Точь-в-точь как тот дикий лис.

Когда Лао Сы наткнулся на него в заснеженных горах, рыжий лис только-только сбросил звериную шкуру. Он был чист, пушист и невероятно красив, а в его глазах светилась первозданная детская глупость твари, еще не ведавшей коварства людей.

Настоящая находка для мастера марионеток.

Лао Сы самодовольно хмыкнул:

— Я выслеживал его долгих девять месяцев. Ты и представить не можешь, как он был великолепен среди снежных круч.

Ло Цяоцяо согласно закивал. За сотни лет своего ремесла он действительно не встречал столь драгоценного самородка.

Сбросив мокрую накидку и напустив на пол лужу, Лао Сы бросил:

— Пойдем наверх, гляну на него.

Ло Цяоцяо сощурился, намереваясь что-то возразить, но передумал. Молча развернувшись, он повел гостя по шаткой лестнице.

Чердак

Услышав шаги на первом этаже, Су Цзюгуй увлек Сяобая за собой. Они шмыгнули в первую попавшуюся дверь. Комната оказалась тесной кладовой, заваленной деревянными суставами, обрезками кожи и сломанными конечностями марионеток.

Сяобай даже пикнуть не успел, как его бесцеремонно спрятали, словно беспомощное дитя, нуждающееся в опеке.

Впрочем, в глазах взрослого мужчины этот хрупкий юноша и впрямь выглядел сущим несмышлёнышем.

Су Цзюгуй внимательно прислушивался к доносившимся из-за двери голосам. Разговор мастера марионеток и ловчего подтвердил его самые мрачные догадки.

Теперь стало ясно, почему его угасающий дух смог занять это тело. Прежний хозяин плоти был молодым огненным лисом, которого поймали сразу после того, как он принял человеческий облик.

Ло Цяоцяо безжалостно выжег его духовные каналы и вырезал бьющееся сердце. Несчастный зверь погиб прежде, чем успел познать мир и обрести собственный разум.

У него не было ни имени, ни родни, ни земных привязанностей. Чистый холст, свободный от бремени кармических связей.

Идеальный пустой сосуд для неприкаянной души Су Цзюгуя.

«Но кто такой этот Владыка Небесной Обители?»

«И о каком подарке они толкуют?»

В груди Су Цзюгуя шевельнулась глухая жалость к погибшему зверьку. Тот не успел увидеть красоту этого мира, не познал ни любви, ни печали — его короткая жизнь оборвалась грубо и бессмысленно, словно догоревшая свеча.

Щелчок — и серый пепел беззвучно осыпался на холодный пол.

Не попадись он в силки Лао Сы, сейчас этот глупый лисенок, верно, бегал бы по шумным улочкам какого-нибудь людского города, восхищаясь каждым пустяком.

Внезапный приступ гнева сдавил горло Су Цзюгуя. Он давно отринул мирские страсти, и это непривычное буйство чувств заставило его нахмуриться.

Сяобай искоса наблюдал за ним. Растрепанные пряди волос падали на бледное лицо Су Цзюгуя, а запекаясь на губах кровь придавала его строгому облику оттенок болезненной, изысканной хрупкости.

В неверном свете догорающей свечи ресницы Су Цзюгуя бросали тень на его прекрасные глаза. Понять, о чем он думает, было невозможно.

От этого зрелища в душе рождалось странное, щемящее чувство — желание защитить его от всех невзгод мира, уберечь от боли и вернуть улыбку на эти холодные губы.

Сяобай заворуженно подался вперед, собираясь что-то сказать, но осекся, заметив тусклый отблеск стали.

Одной рукой Су Цзюгуй все еще крепко держал его за шкурку, а во второй сжимал тяжелый нож для разделки туш.

Стальное лезвие, покрытое темными пятнами лисьей крови, дышало могильным холодом. Должно быть, Су Цзюгуй прихватил это оружие со стола мастера марионеток, пока они уходили из зала.

«Когда он только успел его стащить? Я ведь даже глазом не моргнул!»

Этот бледный, изможденный человек, едва стоящий на ногах, вознамерился пустить в ход оружие?

— Ты... — едва Сяобай приоткрыл рот, как ладонь Су Цзюгуя намертво запечатала его губы, прижав юношу спиной к стене.

Каким бы истощенным ни казался бывший бессмертный, он все же обладал телом взрослого мужчины, тогда как Сяобай оставался хрупким подростком.

Су Цзюгуй навис над ним, полностью загородив собой дверной проем. В тесной кладовой не хватало места, и их тела соприкасались при каждом вдохе.

До ноздрей Сяобая донесся густой, душный аромат благовоний. Ло Цяоцяо щедро пропитал кожу лиса пахучими маслами, чтобы придать товару соблазнительный вид. Запах был приторным и резким, но юноше он почему-то показался удивительно приятным.

Зажатый в правой руке нож хищно блеснул, отражая искру свечного нагара. Су Цзюгуй слегка склонил голову и едва заметно улыбнулся одними уголками губ:

— Тс-с...

От этой улыбки у Сяобая поплыло перед глазами, а кончики ушей мгновенно вспыхнули пунцовым румянцем.

Бушевавший в его груди ураган чувств улегся сам собой, уступив место кроткому, замороженному молчанию.

<http://bllate.org/book/18298/1755115>